
Нұрсат Сейлханов
Якорь времени

Нұрсат Сейлханов

Якорь времени

«Автор»
2026

Сейлханов Н.

Якорь времени / Н. Сейлханов — «Автор», 2026

Похороны жены становятся для профессора Виктора Сомова лишь началом невероятного и опасного путешествия. Получив в наследство таинственный особняк на Кривоколенном переулке, он узнает, что его любимая Анна проживала эту жизнь далеко не первый раз. За зданием скрывается страшная тайна: дом — это ловушка для душ, созданная столетие назад безумным ученым, а каждый член их рода оказывается связан с бесконечным циклом рождений и смертей. Чтобы разорвать проклятие, Виктору придется пройти через семь смертельных комнат, узнать правду о прошлых воплощениях Анны и поставить на кон всё. Но сможет ли уничтожение дома остановить то, что уже стало частью человеческой памяти и тянется сквозь века — вплоть до далекого будущего?

© Сейлханов Н., 2026
© Автор, 2026

Нұрсат Сейлханов
Якорь времени

#Взгляды детектива
#Author:Seilkhanov Nursat
#Автор:Сейлханов Нұрсат
Глава 1

Дом на Кривоколенном переулке появился в Москве так же внезапно, как исчезают люди — без свидетелей, без объяснений, будто всегда стоял на этом месте. Виктор Сомов заметил его в то утро, когда хоронил жену.

Он ехал в похоронной процессии, смотрел в окно машины невидящим взглядом, и вдруг среди привычных доходных домов с облупившейся лепниной мелькнул особняк — четырёхэтажный, узкий, сжатый соседними зданиями, как книга на переполненной полке. Фасад цвета старой крови, окна с витыми решётками, балкон на третьем этаже, где кто-то оставил белую розу в стеклянной вазе.

— Странно, — пробормотал Виктор. — Раньше его здесь не было.

Водитель не ответил. Может, не расслышал. Может, решил, что вдовец в горе говорит сам с собой.

На кладбище шёл мелкий дождь. Капли стучали по крышке гроба, и Виктору казалось, что Анна стучит изнутри, просит выпустить, говорит, что всё это ошибка, нелепая, чудовищная ошибка. Сорок два года — не возраст для смерти. Инсульт в ванной, упала, ударилась головой. Нашёл её он сам, вернувшись с работы. Вода в ванне была горячей, а Анна — холодной.

После похорон гости разошлись быстро. Коллеги с кафедры истории искусств, где Виктор преподавал двадцать лет, жали руку и бормотали соболезнования. Сестра Анны плакала в платок. Сосед по лестничной площадке принёс бутылку коньяка и ушёл, не дожидаясь, пока Виктор откроет её.

К вечеру он остался один в квартире, которая стала слишком большой для одного человека. Комнаты пахли хризантемами и чужим горем. Виктор сидел у окна и смотрел на Москву, тонущую в сумерках.

Телефон зазвонил в десятом часу.

— Профессор Сомов? — голос был женским, незнакомым, с лёгким прибалтийским акцентом. — Меня зовут Эмилия Корт. Я адвокат. Мне нужно встретиться с вами по поводу наследства.

— Какого наследства? — Виктор нахмурился. — Вы ошиблись номером.

— Нет. Речь идёт о наследстве вашей жены, Анны Павловны Сомовой. Она была единственной наследницей своего дяди, Павла Волконского. Он умер три недели назад в Риге. Завещание предусматривает передачу собственности супругу наследницы в случае её смерти.

Виктор молчал. В голове шумело.

— Я не знал, что у Анны был дядя в Риге.

— Тем не менее, он существовал. И оставил вам дом. Дом в Москве, на Кривоколенном переулке, номер семнадцать.

Виктор встал так резко, что опрокинул стул.

— Повторите адрес.

— Кривоколенный переулок, семнадцать. Вы знаете это место?

— Я... видел его сегодня утром.

— Тогда вам будет легко найти. Я жду вас там завтра в полдень. Ключи и документы при мне.

Она повесила трубку прежде, чем Виктор успел задать хоть один из сотни вопросов, которые теснились у него в горле.

Он не спал всю ночь. Лежал в темноте и вспоминал Анну. Они познакомились в Эрмитаже, у картины Рембрандта «Возвращение блудного сына». Она стояла перед полотном и плакала — бесшумно, безостановочно, слёзы текли по щекам, а она даже не вытирала их. Виктор подошёл, протянул платок. Она взяла, промокнула глаза и сказала:

— Простите. Это всегда так действует на меня. Прощение страшнее греха, вы не находите?

Они поженились через полгода. Двадцать лет прожили вместе. Детей не было — Анна не могла. Она работала реставратором в музее, приносила домой запах скипидара и старой краски. По вечерам они пили чай на кухне и говорили о Караваджо, о Босхе, о том, что истинное искусство — это всегда диалог со смертью.

Теперь она мертва. А он получает в наследство дом, о котором ничего не знает.

Утро было серым и влажным. Виктор оделся, выпил кофе и поехал на Кривоколенный. По дороге пытался вспомнить, говорила ли Анна когда-нибудь о родственниках. Родители умерли, когда ей было шестнадцать. Воспитывала бабушка. Сестра на десять лет младше. Братьев не было. О дяде — ни слова. Никогда.

Переулок был узким, булыжная мостовая блестела после дождя. Дом номер семнадцать стоял между химчисткой и магазином антикварных часов. Четыре этажа, красный кирпич, окна с решётками. На балконе третьего этажа всё ещё стояла ваза с белой розой.

У входа ждала женщина. Ей было лет пятьдесят, седые волосы собраны в строгий пучок, тёмный костюм, кожаный портфель. Эмилия Корт.

— Профессор Сомов. — Она протянула руку. Рукопожатие крепкое, сухое. — Благодарю, что пришли.

— У меня не было выбора, — ответил Виктор. — Вы сказали, что этот дом мой.

— Формально — да. Но прежде чем вступить в права собственности, вы должны выполнить условие завещания.

— Какое условие?

Эмилия достала из портфеля конверт из плотной бумаги, запечатанный красным curgom.

— Павел Волконский оставил письмо. Он просил передать его вам лично. Прочтёте здесь или дома?

Виктор взял конверт. Бумага была тёплой, словно кто-то только что держал её в руках.

— Здесь, — сказал он.

Вскрыл печать. Внутри — один лист, исписанный старомодным почерком, чернилами цвета сепии.

«Виктор Игоревич,

если вы читаете это, значит, Анна мертва. Прошу простить меня за то, что не явился при её жизни. У меня были причины. Теперь они не имеют значения.

Дом на Кривоколенном переулке — это не просто недвижимость. Это место силы, место памяти, место, где вещи помнят тех, кто ими владел. Анна должна была узнать о нём в свой сорокатрехлетний день рождения. Я собирался рассказать ей всё. Но она умерла раньше.

Теперь это бремя ложится на вас.

В доме семь комнат. В каждой — загадка. В каждой — часть истории, которая касается вас обоих больше, чем вы можете представить. Если вы хотите узнать правду о смерти Анны, если хотите понять, кто она была на самом деле, войдите в дом. Начните с первой комнаты на втором этаже. Дальше дом сам поведёт вас.

Но знайте: правда может оказаться хуже неведения. А некоторые двери, однажды открытые, уже не закрываются.

Павел Волконский.

P.S. Роза на балконе — от меня. Анна любила белые розы».

Виктор поднял голову. Эмилия смотрела на него спокойно, выжидающе.

— Вы читали это? — спросил он.

— Нет. Это не моё дело.

— Что он имеет в виду под «правдой о смерти Анны»? Она умерла от инсульта. Это медицинский факт.

Эмилия пожала плечами.

— Павел Волконский был странным человеком. Коллекционер, мистик, человек со странными убеждениями. Возможно, он имел в виду что-то метафорическое.

— Или сошёл с ума.

— Возможно и это.

Виктор посмотрел на дом. Окна были тёмными, как пустые глазницы.

— Ключи у вас?

Эмилия кивнула и достала связку старых ключей — тяжёлых, латунных, с затейливыми головками.

— От парадного входа, от комнат, от сейфа в кабинете. Всё остальное найдёте внутри. Дом полностью меблирован. Коммунальные услуги оплачены на год вперёд.

Виктор взял ключи. Они были холодными и неожиданно тяжёлыми.

— А вы? — спросил он. — Вы войдёте со мной?

— Нет, — ответила Эмилия. — Моя работа закончена. Дальше — ваш путь.

Она развернулась и пошла прочь, цокая каблуками по мокрым булыжникам. Виктор смотрел ей вслед, потом перевёл взгляд на дверь.

Замок был старым, но ключ повернулся легко, словно механизм смазали вчера. Дверь открылась беззвучно.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё — чем-то сладковатым и горьким одновременно, похожим на запах увядающих цветов.

Виктор шагнул внутрь.

Дверь за его спиной закрылась сама.

Глава 2

Прихожая была узкой и высокой, с лестницей, уходящей вверх, во тьму верхних этажей. На стенах — потемневшие от времени обои с рисунком из виноградных лоз и птиц. Пол —

мореный дуб, поскрипывающий под ногами. Слабый свет проникал сквозь витраж над дверью, окрашивая всё в оттенки янтаря и крови.

Виктор остановился, прислушиваясь. Дом был тих, но это была не пустая тишина заброшенного здания. Это была тишина живого существа, затаившего дыхание.

Он огляделся. Справа — закрытая дверь, слева — ещё одна. Прямо — лестница. Письмо говорило: «Начните с первой комнаты на втором этаже».

Виктор положил руку на перила. Дерево было тёплым, словно кто-то только что держался за него. Он начал подниматься.

Ступени не скрипели. На стенах вдоль лестницы висели фотографии в старинных рамах. Виктор остановился, вглядываясь. Чёрно-белые снимки, выцветшие, но чёткие. Люди в одежде начала двадцатого века. Женщина в длинном платье с кружевным воротником. Мужчина с бородой и строгим взглядом. Ребёнок с обручем.

И среди них — Анна.

Виктор замер.

Это была она. Абсолютно точно. Те же черты лица, тот же разрез глаз, та же родинка над верхней губой. Но фотография была старой, судя по всему — довоенной. На обороте рамки выцветшими чернилами: «Анна. 1938».

Невозможно.

Его Анна родилась в 1983 году.

Виктор снял фотографию со стены, поднёс к свету. Бумага была подлинной, не подделкой. Он перевернул рамку — на обороте штамп фотоателье: «Москва, Тверская улица, дом 12. Фотограф Л. Мельников».

Сердце билось слишком быстро. Виктор повесил фотографию обратно и продолжил подъём.

Второй этаж встретил его длинным коридором. Три двери — слева, справа и в конце коридора. Все закрыты. На первой двери справа — латунная табличка с выгравированной цифрой «1».

Виктор достал ключи. Нашёл тот, что подходил к замку, и открыл дверь.

Комната была небольшой — метров двадцать, не больше. Высокие окна завешены тяжёлыми шторами. Мебель старинная: письменный стол с инкрустацией, кресло с высокой спинкой, книжные полки до потолка. На стене — огромное зеркало в резной раме.

Виктор подошёл к столу. На нём лежала открытая книга. Он наклонился, вглядываясь в текст.

«Дневник Анны Волконской. 1937–1939».

Рука потянулась сама собой. Он перевернул страницу.

«15 октября 1937 года.

Отец сказал, что мы должны уехать. Говорит, что в Москве становится опасно. Павел хочет остаться — он всегда был упрямым. Я боюсь за него. Боюсь за всех нас.

Сегодня видела во сне дом. Тот самый, на Кривоколенном. Он звал меня. Я слышала голоса из комнат — они что-то говорили, но я не могла разобрать слов. Проснулась с ощущением, что забыла что-то важное. Что-то, от чего зависит всё».

Виктор листал дальше, читая наспех, жадно.

«3 ноября 1937 года.

Павла забрали ночью. Отец пытался остановить их, но они оттолкнули его. Мать плакала. Я стояла у окна и смотрела, как чёрный автомобиль увозит брата. Он обернулся перед тем, как сесть, и посмотрел на меня. В его глазах не было страха. Только решимость.

Он что-то кричал, но я не расслышала».

«17 декабря 1938 года.

Павел вернулся. Не знаю, как ему удалось выжить. Он изменился — осунулся, постарел, в глазах что-то погасло. Но он жив. Он принёс с собой странную вещь — маленькую шкатулку из черного дерева. Сказал, что это всё, что у него осталось. Что в ней — ключ ко всему.

Я спросила, к чему именно. Он не ответил».

Последняя запись датирована 12 августа 1939 года:

«Отец умер сегодня утром. Сердце не выдержало. Павел говорит, что мы должны спрятать дом. Что скоро начнётся война и дом не должен попасть не в те руки. Я не понимаю, что он имеет в виду. Это просто дом. Просто здание из кирпича и дерева.

Но Павел настаивает. Он говорит, что дом — живой. Что он помнит. Что он хранит.

Я боюсь его слов. Боюсь того, во что превратился мой брат».

На этом дневник обрывался.

Виктор закрыл книгу. Руки дрожали. Анна Волконская. Его жена носила фамилию Грин до замужества. Волконской она никогда не была.

Но лицо на фотографии...

Он подошёл к зеркалу. Отражение смотрело на него устало, с глубокими тенями под глазами. Сорок пять лет, седина на висках, морщины у рта.

И вдруг в зеркале, за его спиной, мелькнула тень.

Виктор обернулся резко. Комната была пуста.

Он снова посмотрел в зеркало. Тень была там — неясная, размытая, но определённо человеческая. Женская фигура в длинном платье.

— Кто здесь? — выдохнул Виктор.

Тень шевельнулась. И вдруг он услышал голос — тихий, словно шёпот на ветру:

— Ты пришёл слишком поздно.

Это был голос Анны.

Глава 3

Виктор отступил от зеркала, сердце билось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Голос стих. Тень исчезла. Осталось только его собственное отражение — бледное, испуганное, совершенно живое.

Он провёл рукой по лицу, пытаясь собраться с мыслями. Галлюцинация. Стресс. Похороны, бессонная ночь, этот проклятый дом с его тайнами. Мозг играет с ним, вот и всё.

Но голос был настоящим. Он слышал его. Абсолютно отчётливо.

Виктор вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. В коридоре было темно — сумерки наступали быстро, а окон здесь не было. Он нащупал выключатель. Щёлкнул. Свет не зажёгся.

Достал телефон, включил фонарик. Луч высветил вторую дверь — с табличкой «2».

Не сейчас. Ему нужно было выйти отсюда, подышать воздухом, подумать. Разобраться в том, что происходит.

Он спустился по лестнице, толкнул входную дверь.

Она не открылась.

Виктор дёрнул сильнее. Дверь не поддалась. Он попробовал ключ — замок не поворачивался, словно механизм заклинило.

— Чёрт, — пробормотал он и огляделся.

Слева от лестницы была ещё одна дверь — та самая, которую он заметил при входе. Виктор подошёл, толкнул. Она распахнулась легко, открыв небольшую гостиную.

Мебель под белыми чехлами, пыль на полу, запах затхлости. Но главное — окно. Большое, во всю стену, выходящее на переулок.

Виктор подошёл, попытался открыть раму. Заперто. Он поискал щеколду, нашёл — ржавая, не поддаётся. Ударил ладонью по стеклу. Крепкое, толстое. Не разобьёшь голыми руками.

Хорошо. Спокойно. Он найдёт выход. В доме должна быть чёрная лестница, служебный вход, что-то ещё.

Вернулся в прихожую, попробовал дверь справа. Кухня — старая плита, медная раковина, шкафы с облупившейся краской. И дверь в дальнем углу — наверняка на чёрный ход.

Он толкнул её. За ней — каменная стена.

Виктор уставился на кладку. Стена была старой, покрытой плесенью, явно частью фундамента здания. Не замурованная дверь — просто стена, которая всегда здесь была.

Но он видел этот дом снаружи. Видел, что он не примыкает вплотную к соседнему зданию. Между ними должен быть проход, узкий двор, что-то.

— Что за...

Телефон в кармане завибрировал. Виктор вздрогнул, выхватил его. СМС от неизвестного номера:

«Дом отпустит тебя, когда ты пройдёшь все семь комнат. Это условие. Павел предупреждал».

Виктор набрал номер. Гудки, но никто не отвечал. Он написал ответное сообщение: «Кто вы?»

Ответ пришёл мгновенно:

«Тот, кто заботится о твоём благополучии. Не пытайся уйти. Это только хуже. Поднимись наверх. Открой вторую комнату».

Виктор швырнул телефон на стол. Он не верил в мистику, в дома с собственной волей, во всю эту чепуху. Должно быть рациональное объяснение. Кто-то запер его здесь. Кто-то манипулирует им.

Но кто? И зачем?

Эмилия Корт. Она знала про дом. Она передала письмо. Может быть, она...

Он снова взял телефон, нашёл последний входящий вызов — тот самый, вчерашний, когда она позвонила в первый раз. Набрал номер.

«Абонент временно недоступен».

Разумеется.

Виктор прошёл по первому этажу, методично проверяя каждую дверь, каждое окно. Все заперты. Стены — крепкие, без трещин. Дом держал его, как клетка держит птицу.

Оставалось одно — подчиниться.

Он вернулся на второй этаж. Встал перед дверью с табличкой «2».

Вставил ключ. Повернул.

Комната номер два была больше первой. Высокие потолки, паркетный пол, стены обиты шёлком — когда-то золотистым, теперь выцветшим до цвета старого пергамента. Посередине — круглый стол, накрытый бархатной скатертью. На столе — шахматная доска.

Фигуры были расставлены в середине партии. Белые явно проигрывали — король в углу, пешки сметены, ладья висит.

Виктор подошёл ближе. Фигуры были старинными, резными, из слоновой кости и эбенового дерева. На краю доски — записка, написанная тем же почерком, что и письмо Павла Волконского:

«Анна и я играли в эту партию тридцать лет. Она всегда играла за чёрных. Всегда выигрывала. Я так и не смог победить её.

Сыграй за меня. Если найдёшь ход, который спасёт белых, дверь в следующую комнату откроется».

Виктор присел на стул перед доской. Шахматы он знал неплохо — в студенческие годы даже играл в университетской команде. Но это...

Он изучил позицию. Белые действительно в тяжелейшем положении. Чёрные доминируют в центре, ферзь угрожает с фланга, конь готовится к вилке. Мат в три хода, не меньше.

Но Павел написал: «Если найдёшь ход».

Значит, ход есть.

Виктор сосредоточился. Просчитал варианты. Если ладья сюда — чёрный ферзь бьёт. Если король отступает — конь даёт шах. Если пешка...

Стоп.

Пешка на e4. Незаметная, слабая, казалось бы, бесполезная.

Но если она пойдёт на e5, открывая линию для слона...

Виктор придвинул пешку. В ту же секунду что-то щёлкнуло. Он поднял голову. В углу комнаты, за тяжёлой портьерой, открылась дверь — узкая, почти незаметная.

Он подошёл, заглянул. За дверью — ещё одна комната, маленькая, похожая на кабинет. Стол, лампа, книжный шкаф. И на столе — конверт с его именем.

Виктор взял конверт, вскрыл.

Внутри — фотография. Анна. Его Анна, не та, довоенная. Его жена, в том самом платье, в котором он её похоронил. Она стоит на фоне этого дома, на фоне входной двери, и улыбается.

На обороте — дата. Три недели назад.

За день до того, как она умерла.

Глава 4

Виктор опустился на стул, не отрывая взгляда от фотографии. Три недели назад Анна была жива. Они ужинали вместе, говорили о ремонте на кухне, о том, что надо бы съездить на дачу до холодов. Она ничего не говорила ни о каком доме, ни о дяде в Риге, ни о Кривоколенном переулке.

Но вот она — стоит у входа в этот самый дом, улыбается, будто знает что-то, чего он не знает.

Он перевернул фотографию снова, вглядываясь в детали. Платье — то самое, тёмно-синее, которое она надевала по особым случаям. Волосы распущены. На шее — тонкая цепочка с подвеской, которую он подарил ей на годовщину.

И в руке, почти незаметно — ключ. Такой же старинный латунный ключ, как те, что лежали сейчас в кармане Виктора.

Он поднялся, сунул фотографию в карман и вернулся в комнату с шахматной доской. Взгляд упал на фигуры. Партия не закончена — чёрные всё ещё доминируют, несмотря на тот ход, который он сделал. Пешка на e5 открыла линию, но не спасла белых от поражения.

«Если найдёшь ход, который спасёт белых», — говорилось в записке.

Значит, это был не тот ход. Или не только тот.

Виктор снова сел за доску. На этот раз изучал позицию дольше, методичнее. Считал варианты, просматривал комбинации. Партия была сложной, многослойной. Каждая фигура имела значение. Каждый ход мог стать фатальным.

Слон на c1. Его никто не трогал всю партию. Он стоял на исходной позиции, заблокированный пешками, словно забытый.

Но если убрать пешку с b2, если пожертвовать её, открывая диагональ...

Виктор придвинул пешку b2 на b4. Чёрный ферзь мог взять её, но тогда слон получал выход. Он передвинул слона на a3, перекрывая диагональ к королю.

Щелчок. Ещё один, глубже, словно в стенах что-то сдвигалось.

На противоположной стене отъехала деревянная панель, открыв нишу. Внутри — старинная шкатулка из чёрного дерева, точно такая, как та, что упоминалась в дневнике Анны Волконской.

Виктор поднялся, подошёл к нише. Взял шкатулку. Она была тяжёлой, размером с небольшую книгу, покрытой резьбой — переплетением виноградных лоз и странных символов, похожих на руны.

Крышка не открывалась. Замок — крошечный, для такого же крошечного ключа.

Виктор обыскал нишу. Пусто. Обыскал стол, заглянул под скатерть, проверил ящики. Ничего.

Ключ должен быть где-то здесь. Павел не оставил бы шкатулку без возможности её открыть.

Он вернулся к шахматной доске. Взял в руки белого короля, осмотрел фигуру. Тяжёлая, полая внутри. Он потряс — что-то звякнуло.

Основание короля откручивалось. Виктор повернул его, и в ладонь выпал крошечный ключ — изящный, с витой головкой.

Вставил в замок шкатулки. Повернул.

Крышка открылась с тихим вздохом, словно шкатулка не открывалась десятилетиями.

Внутри, на подушечке из выцветшего бархата, лежали три предмета.

Первое — кольцо. Золотое, старинное, с гравировкой на внутренней стороне. Виктор поднёс к свету, прищурился, разбирая слова: «А.В. — П.В. Навсегда».

Анна Волконская — Павел Волконский.

Второе — письмо, сложенное втрое, запечатанное красным воском. Печать была сломана, кто-то уже читал это письмо.

Третье — медальон на тонкой цепочке. Серебряный, круглый, с выгравированным на крышке изображением дома. Этого дома.

Виктор открыл медальон. Внутри — две миниатюрные фотографии, вставленные друг напротив друга.

Слева — молодой мужчина с тёмными глазами и решительным лицом. Павел Волконский, без сомнений.

Справа — женщина. Анна Волконская. Та самая, с фотографии на лестнице.

Но под её портретом, на крошечном листке бумаги, было написано другое имя.

«Анна Грин. 1983–2025».

Его жена.

Комната поплыла перед глазами. Виктор схватился за край стола, пытаясь удержать равновесие. Невозможно. Это невозможно.

Его жена родилась в 1983 году. Женщина на довоенной фотографии жила в 1930-х. Между ними почти век. Они не могут быть одним и тем же человеком.

Но лица...

Он достал из кармана фотографию, сделанную три недели назад. Положил рядом с медальоном. Сравнил.

Одна и та же женщина. Абсолютно. До последней черты.

Виктор развернул письмо. Бумага была старой, чернила выцветшими, но текст читался:

«Павел,

если ты читаешь это, значит, я мертва. Опять.

Я не знаю, сколько раз я проживала эту жизнь. Пять? Десять? Больше? Воспоминания размыты, как сон, который забываешь сразу после пробуждения. Но я знаю одно: я всегда возвращаюсь. Всегда в этот дом. Всегда к тебе.

Проклятие, благословение — называй как хочешь. Я не понимаю его природу. Понимаю только, что дом держит меня. Он не отпускает. И каждый раз, когда я пытаюсь вырваться, когда пытаюсь жить настоящей жизнью вдали от него, я умираю. Слишком рано. Всегда слишком рано.

В этой жизни я пыталась забыть. Вышла замуж за хорошего человека. Жила обычной жизнью. Думала, что смогу обмануть дом, обмануть судьбу.

Но три недели назад я почувствовала зов. Дом звал меня. Я пришла. Увидела его снова — и всё вспомнила. Все жизни. Все смерти.

Ты говорил, что есть способ разорвать круг. Ты говорил, что ответ в семи комнатах. Что если кто-то пройдёт их все, если раскроет все тайны, проклятие будет снято.

Я не смогла. Прости меня.

Но, может быть, сможет он. Виктор. Мой муж. Человек, которого я люблю в этой жизни.

Позаботься о нём, Павел. Помоги ему дойти до конца.

Твоя сестра,
Анна».

Виктор читал письмо снова и снова, пока слова не превратились в бессмысленный набор букв. Проклятие. Реинкарнация. Дом, который держит душу.

Бред. Галлюцинация. Чья-то жестокая шутка.

Но голос, который он слышал в зеркале. Голос Анны.

«Ты пришёл слишком поздно».

Он сложил письмо, положил обратно в шкатулку вместе с кольцом и медальоном. Закрыл крышку.

Телефон снова завибрировал.

«Ты начинаешь понимать. Это хорошо. Теперь третья комната. Там ты узнаешь, как она умерла в первый раз».

Виктор зажмурился, медленно выдохнул. Он мог сойти с ума. Мог сидеть здесь и отрицать всё, что видел и читал.

Или мог пойти дальше.

Узнать правду.

Какой бы страшной она ни была.

Он поднялся и вышел в коридор.

Дверь с табличкой «3» ждала его в конце.

Глава 5

Третья комната встретила его холодом.

Виктор переступил порог и сразу почувствовал, как температура упала градусов на десять. Дыхание превратилось в пар. Он поёжился, застегнул куртку.

Комната была почти пустой. Голые стены, выкрашенные в серый цвет. Деревянный пол без ковра. В центре — единственный предмет мебели: больничная кушетка, старая, с металлическим каркасом и тонким матрасом.

На кушетке лежала медицинская карта.

Виктор подошёл, взял её. Обложка из картона, пожелтевшая от времени. На титульном листе штамп: «НКВД СССР. Лефортовская тюрьма. Медицинская часть».

Он открыл карту.

«Волконская Анна Павловна. 1920 г.р.

Поступила: 15 января 1939 г.

Диагноз: здорова.

Особые отметки: арестована по обвинению в антисоветской деятельности. Содержится в одиночной камере № 47».

Дальше шли записи врача, сделанные небрежным почерком:

«20 января. Жалобы на головные боли, бессонницу. Состояние удовлетворительное.

3 февраля. Резкая потеря веса. Отказывается от пищи. Рекомендовано принудительное кормление.

18 февраля. Бред, галлюцинации. Утверждает, что "дом зовёт её". Психическое состояние ухудшается.

27 февраля. Попытка самоубийства. Вскрыла вены осколком стекла. Спасена. Переведена в изолятор.

5 марта. Вторая попытка. Повешение на простыне. Обнаружена вовремя. Реанимирована.

12 марта. Умерла в 3:47 утра. Причина: острая сердечная недостаточность».

Последняя запись была сделана другим почерком — более аккуратным, но и более холодным:

«Труп передан для медицинских исследований. Родственники не уведомлены».

Виктор закрыл карту. Руки дрожали — то ли от холода, то ли от ярости, то ли от ужаса.

Анна умерла в тюрьме. В девятнадцать лет. Замучена, доведена до самоубийства, убита режимом, который перемалывал людей, как мясорубка.

Но если она умерла в 1939 году, как могла родиться снова в 1983-м?

«Я всегда возвращаюсь», — писала она в письме.

Проклятие.

Виктор обошёл кушетку. На стене за ней висела фотография — единственное украшение в этой мрачной комнате. Чёрно-белый снимок, сделанный, судя по качеству, уже в послевоенные годы.

Группа мужчин в белых халатах стоит у входа в какое-то здание. Над входом вывеска: «НИИ экспериментальной медицины».

Виктор присмотрелся к лицам. Большинство незнакомы. Но один...

Крайний справа. Высокий, с густой бородой, в круглых очках.

Он видел это лицо раньше. На фотографии. На лестнице.

Павел Волконский.

Под снимком — маленькая табличка с выгравированным текстом:

«Отдел реанимации и трансплантации. 1947 год. Руководитель проекта — П. М. Волконский».

Реанимация.

Виктор отступил от стены. В голове складывалась картина — безумная, невозможная, но единственная, которая объясняла всё.

Павел работал в институте. Институте, который занимался... чем? Оживлением мёртвых? Трансплантацией сознания?

Его сестра умерла в тюрьме. Он забрал тело «для медицинских исследований».

И потом...

Виктор не закончил мысль. Не хотел заканчивать.

В углу комнаты что-то зашуршало.

Он резко обернулся. Никого. Только тени, отбрасываемые слабым светом из коридора.

Шорох повторился. Теперь ближе.

— Кто здесь? — Голос прозвучал слишком громко в пустой комнате.

Ответа не было. Но воздух сгустился, стал тяжёлым, давящим. Температура упала ещё ниже. Виктор видел своё дыхание — густые клубы пара.

И вдруг, прямо перед ним, воздух дрогнул, словно кто-то провёл рукой по невидимой занавеси.

Появилась фигура.

Женщина в больничном халате, босая, с распущенными волосами. Лицо бледное, глаза широко открыты, на запястьях — следы от верёвок.

Анна.

Молодая Анна, девятнадцатилетняя, та самая, что умерла в тюрьме.

Она смотрела на него, не мигая.

— Ты не должен был приходить, — прошептала она. Голос был странным, эхом отдавался от стен. — Дом не отпустит тебя.

— Анна... — Виктор шагнул вперёд, протягивая руку.

Она отступила.

— Я не Анна. Не та, которую ты знал. Я — эхо. Память. Тень того, что было.

— Что с тобой сделал Павел?

Призрак — или что это было — наклонила голову, словно прислушиваясь к чему-то.

— Он пытался спасти меня. Вернуть. Но нельзя обмануть смерть. Она всегда забирает своё. Он заплатил цену. Я заплатила цену. Теперь платишь ты.

— Какую цену?

— Семь комнат. Семь смертей. Семь жизней, которые я прожила и потеряла. Если ты пройдёшь их все, если увидишь всё, что дом хранит... тогда, может быть, круг разорвётся. Может быть, я буду свободна.

— А если не пройду?

Призрак улыбнулся — грустно, бесконечно грустно.

— Тогда ты останешься здесь. Навсегда. Как Павел. Как я.

Фигура начала растворяться, таять, словно дым.

— Подожди! — Виктор сделал шаг вперёд. — Скажи мне, как тебя спасти!

Последние слова долетели уже из пустоты:

— Четвёртая комната. Там ты увидишь, как он это сделал. Как всё началось.

Призрак исчез.

Виктор остался один в ледяной комнате, с бешено бьющимся сердцем и медицинской картой в руках.

Он посмотрел на кушетку. На ней, там, где только что ничего не было, лежала простыня. Белая, старая, со следами крови на краях.

Виктор отшатнулся, выскочил в коридор, захлопнул дверь за собой.

Прислонился к стене, пытаясь отдышаться.

Это реально. Всё это реально.

Дом живой. Анна мертва, но не мертва. А он... он в ловушке.

Семь комнат. Семь смертей.

Телефон завибрировал. Виктор даже не посмотрел на экран. Знал, что там будет.

Указание идти дальше.

Он поднял голову. Коридор тянулся дальше, в глубину второго этажа. Впереди маячили ещё двери.

Виктор медленно двинулся вперёд.

К четвёртой комнате.

Глава 6

Четвёртая дверь была другой.

Не старое дерево, как остальные, а металл — толстый, холодный, с заклёпками по периметру. Табличка «4» была выбита прямо в металле, грубо, словно кто-то делал это в спешке.

Виктор вставил ключ. Замок открылся с лёгким шипением, будто внутри было создано избыточное давление.

За дверью — лаборатория.

Кафельные стены, выкрашенные в больничный белый цвет. Ряды стеллажей с пыльными склянками, колбами, инструментами. В центре — операционный стол из нержавеющей стали с кожаными ремнями для фиксации конечностей.

Над столом — мощная лампа на шарнире, направленная вниз.

Виктор вошёл, оглядываясь. Пахло формалином, старой кровью и чем-то кислым, химическим. На одном из стеллажей стояли банки с заспиртованными препаратами — органы, ткани. Он отвёл взгляд.

На дальней стене висела доска, испещрённая формулами, схемами, рисунками. Почерк — мелкий, нервный, строчки наползали друг на друга, будто автор писал в лихорадке.

Виктор подошёл ближе, вчитываясь.

«Эксперимент № 47. Субъект: А. В. (жен., 19 лет). Смерть наступила 12.03.1939, 3:47 утра. Тело получено 12.03.1939, 14:20.

Гипотеза: сознание не исчезает в момент клинической смерти, а сохраняется в клеточной структуре мозга в течение 24–48 часов. При восстановлении кровообращения и оксигенации возможна реактивация когнитивных функций.

Процедура:
1. Массаж сердца, искусственная вентиляция лёгких — 2 часа. Результат: отрицательный.
2. Введение адреналина, атропина, стимуляция электрическим током — 4 часа. Результат: кратковременное восстановление сердечного ритма, остановка через 8 минут.
3. Трансфузия свежей крови, охлаждение тела до 12°C — 6 часов. Результат: отрицательный».

Дальше — зачёркнутые строчки, нечитаемые каракули, а потом, крупными буквами:

«НЕ РАБОТАЕТ. ТЕЛО МЕРТВО. НО ОНА ГОВОРИЛА СО МНОЙ».

И ниже, другим почерком, более спокойным:

«Эксперимент № 48. Субъект: та же.

Новая гипотеза: сознание существует вне физического тела. Смерть — не конец, а переход в иное состояние. Возможна коммуникация с помощью...»

Текст обрывался. Дальше шёл рисунок — схема какого-то устройства. Круг, разделённый на семь сегментов. В центре — символ, похожий на перевёрнутую пентаграмму.

Под рисунком — подпись: «Дом. Якорь. Врата».

Виктор отступил от доски. В горле пересохло. Павел пытался воскресить сестру. Пытался и потерпел неудачу. Но потом... потом он начал эксперименты с чем-то другим.

С домом.

Виктор обернулся к операционному столу. На нём лежал журнал — толстый, в кожаном переплёте. Он открыл его наугад.

«15 июня 1947 года.

Первый успех. А. вернулась. Не в теле — тело сгнило и было утилизировано четыре года назад. Но она здесь. Я слышу её голос. Вижу её в зеркалах, в тенях, в отражениях.

Она говорит, что дом держит её. Что она не может уйти. Я спросил почему. Она ответила: "Потому что ты привязал меня к этому месту. Ты построил клетку из своей любви и отчаяния".

Я не понимаю. Я хотел только вернуть её».

«2 сентября 1947 года.

Понял. Дом — это не просто здание. Это конструкция. Ловушка для душ. Я создал её, сам того не осознавая. Каждая комната — это узел, точка привязки. Семь комнат — семь печатей. Пока они существуют, А. не может уйти.

Но если разрушить дом... она исчезнет навсегда. Окончательно.

Я не могу этого сделать».

«14 октября 1952 года.

А. беременна.

Не знаю, как это возможно. Она мертва. Она призрак. Но она говорит, что носит ребёнка. Говорит, что дом дал ей новое тело. Временное.

Через семь месяцев она родит. И умрёт снова. И вернётся снова.

Круг замкнулся».

Виктор листал дальше, всё быстрее. Записи становились хаотичнее, короче.

«1968. Анна родилась снова. Нашёл её в детском доме. Узнал по глазам».

«1983. Снова. Грин — её фамилия в этой жизни».

«2005. Она вышла замуж. За профессора истории искусств. Виктор Сомов. Хороший человек. Надеюсь, он сможет защитить её».

«2025. Она умерла. Опять. Слишком рано. Дом забрал её».

Последняя запись датирована вчерашним числом:

«Сомов придёт. Я послал за ним. Он должен пройти семь комнат. Должен увидеть всё. Только так проклятие может быть снято.

Прости меня, Анна. Прости меня, Виктор.

Я сделал всё, что мог».

Виктор захлопнул журнал. Дышал тяжело, прерывисто.

Павел. Павел создал этот кошмар. Из любви, из отчаяния, из безумного желания вернуть сестру. И обрёк её на бесконечный цикл рождений и смертей.

А Анна... его Анна... была одним из этих воплощений.

Она знала. В последние недели жизни она знала.

Виктор вспомнил, как она изменилась. Стала задумчивой, отстранённой. Часто стояла у окна, глядя в никуда. Однажды он спросил, о чём она думает. Она ответила: «О том, сколько у нас осталось времени».

Он подумал, что она говорит о старости, о будущем.

Но она говорила о смерти.

Телефон завибрировал. Виктор механически достал его, прочёл сообщение:

«Павел мёртв. Умер три дня назад. Повесился в этой комнате. Я нашла его. Я — Анна. Та, что в доме. Я говорю с тобой через телефон, потому что не могу явиться в каждой комнате. Дом ограничивает меня.

Прости. Я не хотела втягивать тебя в это. Но ты — единственный, кто может закончить то, что начал Павел. Единственный, кто может освободить меня.

Пожалуйста. Пройди до конца. Не останавливайся».

Виктор набрал ответ: «Как мне тебя спасти?»

Ответ пришёл мгновенно:

«Разгадай тайну седьмой комнаты. Там — ключ ко всему. Но чтобы попасть туда, ты должен пройти пятую и шестую. Они покажут тебе мои смерти. Все семь».

«Ты умирала семь раз?»

«Да. В разных жизнях, в разных обличьях. Но всегда одинаково — слишком рано, слишком внезапно. Дом забирает меня, когда я пытаюсь быть счастливой. Когда пытаюсь вырваться».

Виктор сжал телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев.

«Я дойду до конца. Обещаю».

«Люблю тебя. Всегда любила. Во всех жизнях».

Экран погас.

Виктор стоял в лаборатории, среди мёртвых инструментов и призраков прошлого, и чувствовал, как внутри поднимается ярость.

Павел играл в бога. Создал тюрьму для души любимой сестры. И теперь Виктор должен был исправлять его ошибки.

Он вышел из комнаты, закрыл за собой тяжёлую металлическую дверь.

Впереди ждала пятая комната.

И ещё одна смерть Анны.

Глава 7

Пятая дверь была деревянной, но обугленной, словно её пытались сжечь. Табличка «5» почти стёрлась, едва различимая под слоем копоти.

Виктор повернул ключ. Дверь открылась с сухим треском.

За ней был огонь.

Не настоящий — языки пламени не вырывались наружу, не обжигали. Но комната была наполнена призрачным красным светом, мерцающим, пульсирующим, и в воздухе стоял запах дыма.

Виктор вошёл, прищурившись. Жара не было, но иллюзия огня была настолько убедительной, что кожа инстинктивно сжималась, готовясь к ожогу.

Комната была обставлена как детская. Кроватка с резными бортиками, комод, полка с игрушками — плюшевые медведи, деревянные кубики, фарфоровая кукла с треснувшим лицом. На стенах — обои с рисунком из воздушных шариков и облаков, выгоревшие, местами отставшие.

В углу стоял манеж, а в нём — коляска, старая, с высокими колёсами и выцветшим тентом.

Виктор подошёл к коляске. Заглянул внутрь.

Там лежала кукла, завёрнутая в одеяло. Фарфоровое лицо с закрытыми глазами, крошечные ручки, сложенные на груди.

Нет. Не кукла.

Виктор отшатнулся.

Это был младенец. Мёртвый, мумифицированный временем, но несомненно настоящий.

На одеяле вышито имя: «Анна».

Он отступил, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. На комоде лежала газета. Он взял её дрожащими руками.

«Известия. 15 августа 1953 года.

ТРАГЕДИЯ НА ТАГАНКЕ

Вчера вечером в квартире на улице Таганской произошёл пожар, унёсший жизнь маленькой девочки. Анна Волконская, 11 месяцев от роду, погибла в своей кроватке, пока мать находилась на кухне. Соседи сообщают, что пожар начался внезапно, от непонятного источника. Предполагаемая причина — неисправная проводка.

Мать ребёнка, Мария Волконская, доставлена в больницу с тяжёлыми ожогами».

Виктор опустил газету. В голове складывалось.

Первая Анна, 1939 год — умерла в тюрьме.

Вторая Анна, 1953 год — погибла в пожаре в младенчестве.

Семь жизней. Семь смертей.

Он обошёл комнату, разглядывая детали. На стене висела фотография в деревянной рамке — молодая женщина держит на руках младенца. Женщина улыбается, но в глазах — усталость, почти отчаяние.

Виктор приблизился к фотографии. Лицо женщины показалось смутно знакомым. Он видел его раньше, на одной из фотографий на лестнице.

Перевернул рамку. На обороте карандашом: «Мария Волконская (урождённая Сомова). 1952 г.»

Сомова.

Виктор застыл. Его фамилия. Совпадение? Или...

Он достал телефон, быстро набрал сообщение Анне:

«Кто такая Мария Волконская? Почему её девичья фамилия — Сомова?»

Ответ пришёл через несколько секунд:

«Твоя прабабушка. Она вышла замуж за дальнего родственника Павла. Родила дочь. Назвала её Анной, в честь той Анны, о которой ей рассказывал муж.

Дом забрал ребёнка. Павел пытался остановить пожар, но не смог. После этого Мария сошла с ума. Умерла в психиатрической больнице через два года».

«Значит, я... я связан с этим домом? С самого начала?»

«Да. Павел выбирал семьи, к которым я возвращалась. Твой род — один из них. Он думал, что так сможет контролировать цикл. Но только сделал хуже.

Мы были связаны ещё до того, как встретились в Эрмитаже, Виктор. Дом свёл нас. Он всегда сводит нас».

Виктор прислонился к стене, пытаясь переварить информацию. Его прабабушка. Его семья. Всё это время он был частью этого проклятого круга, даже не зная.

Анна, которую он встретил и полюбил, не была случайностью. Она была предопределена.

«Остальные жизни?» — написал он.

«Третья — 1968. Автокатастрофа. Мне было шестнадцать.

Четвёртая — 1983. Я родилась снова. Та самая Анна Грин, твоя жена. Умерла в 2025.

Пятая, шестая, седьмая... ты увидишь их в следующих комнатах».

Виктор убрал телефон. Посмотрел на коляску с мёртвым младенцем. Представил, как Мария — его прабабушка — бежит в горящую квартиру, кричит, пытается спасти дочь. Как её руки обжигает пламя, как она падает, теряет сознание.

А ребёнок сгорает заживо.

Красный свет в комнате пульсировал сильнее, будто огонь разгорался заново. Виктор слышал треск — не реальный, а эхом из прошлого. Слышал крики, плач, грохот обрушивающихся балок.

— Хватит, — прошептал он. — Хватит.

Свет погас.

Комната снова стала просто детской — выгоревшей, мёртвой, наполненной горем.

На комоде появился конверт. Виктор не видел, откуда он взялся — секунду назад его там не было.

Он взял конверт, вскрыл.

Внутри — свидетельство о смерти:

«Волконская Анна Марьевна. Дата рождения: 15.09.1952. Дата смерти: 14.08.1953. Причина: термические ожоги, несовместимые с жизнью».

И записка, написанная дрожащим почерком:

«Павел, я не могу больше. Она умерла. Моя дочь умерла из-за твоего проклятого дома. Ты обещал защитить нас. Ты обещал, что этого не повторится.

Но дом не отпускает её. Он никогда не отпустит.

Я ухожу. Не ищи меня. Пусть Бог простит нас обоих.

Мария».

Виктор сложил записку обратно в конверт. Руки больше не дрожали. Внутри поселилась холодная ярость — не горячая, не взрывная, а ледяная, спокойная.

Павел разрушил не только жизнь своей сестры. Он разрушил десятки жизней. Семьи, которые теряли дочерей, матерей, жён. Всё из-за его безумия.

«Я закончу это», — подумал Виктор.

Он вышел из комнаты, плотно закрыв дверь.

В коридоре стемнело. Окна второго этажа показывали ночное небо — хотя, когда он входил в дом, был день. Время текло здесь по-другому. Или дом контролировал даже это.

Шестая дверь ждала его в конце коридора.

Виктор шёл к ней медленно, готовясь к тому, что увидит.

Ещё одна смерть.

Ещё один слой этого кошмара.

Глава 8

Шестая дверь была покрыта инеем. Белые кристаллы льда разрослись по поверхности причудливыми узорами, похожими на застывшие кружева. Табличка «6» была едва различима под слоем изморози.

Виктор коснулся двери ладонью — ледяная, обжигающая холодом. Вставил ключ, повернул. Замок открылся с хрустом ломающегося льда.

Комната встретила его зимой.

Снег. Настоящий снег падал с потолка — медленно, бесшумно, укрывая пол белым ковром. Температура была намного ниже нуля, дыхание превращалось в густой пар.

Посреди комнаты стояла скамейка — парковая, чугунная, с деревянными планками. На ней сидела девушка.

Виктор замер на пороге.

Она была молодой, лет шестнадцати-семнадцати. Джинсы, кроссовки, яркая куртка. Волосы распущены, на них лежит снег. Глаза открыты, смотрят в пустоту.

Мертва.

Замёрзла насмерть.

Виктор заставил себя подойти ближе. Лицо девушки было знакомым. Конечно. Анна. Всегда Анна.

В руках она держала телефон — старая модель, кнопочная, из конца двухтысячных. Экран светился тусклым светом. На нём — недописанное сообщение:

«Мама, я не знаю, где я. Было тепло, а потом вдруг стало холодно. Так холодно. Помоги мне, пожалуйста. Я не могу...»

Текст обрывался.

Виктор осторожно забрал телефон из окоченевших пальцев. Прокрутил историю сообщений. Последние несколько — от матери:

«Аня, где ты? Уже десятый час!»

«Ты обещала быть дома к девяти!»

«Анна, ответь немедленно! Я волнуюсь!»

«Господи, где тебя носит?!»

А потом — утром следующего дня:

«Аня, пожалуйста, скажи, что ты в порядке».

«Я звонила всем твоим друзьям. Никто не знает, где ты».

«Мы заявили в полицию. Они ищут тебя».

«Аннушка, миленькая, откликнись...»

Последнее сообщение датировано через неделю:

«Тебя нашли. Господи, зачем? Зачем ты ушла в тот парк? Что ты там делала?

Прости меня. Я не уберегла тебя».

Виктор положил телефон обратно в руки девушки. Посмотрел на её лицо — мирное, спокойное. Словно она просто уснула.

На скамейке рядом лежала газета. Он развернул её.

«Московский комсомолец. 23 декабря 1989 года.

ТРАГЕДИЯ В СОКОЛЬНИКАХ

Вчера в парке Сокольники была обнаружена замёрзшая девушка. Анна Светлова, 16 лет, ушла из дома неделю назад и не вернулась. Родители забили тревогу, полиция организовала поиски.

Тело нашли на одной из отдалённых аллей парка. Судмедэксперт установил, что смерть наступила от переохлаждения. При этом в ночь исчезновения температура воздуха была около нуля градусов — недостаточно для замерзания.

Следователи не исключают, что девушка могла находиться в каком-то закрытом помещении, где была аномально низкая температура, после чего её тело было перенесено в парк. Полиция ищет свидетелей».

Виктор опустил газету. Аномально низкая температура. Как в этой комнате.

Дом забрал её. Заманил, запер, заморозил. А потом выбросил тело в парк, как ненужную вещь.

Почему? За что?

Он обошёл скамейку. На стене висела фотография в рамке — семейный портрет. Мужчина, женщина, девочка лет десяти. Все улыбаются.

Виктор присмотрелся к мужчине. Высокий, с темными волосами, в очках...

Боже.

Это был его отец. Игорь Сомов. Умер, когда Виктору было восемь лет.

Значит, девочка на фото — его сестра. Сестра, о которой он никогда не знал.

Виктор достал телефон, написал Анне:

«Это моя сестра?»

«Да. Твои родители потеряли дочь, когда ей было шестнадцать. Они не хотели, чтобы ты знал. Боялись, что не справишься с правдой. Ты был ещё совсем маленьким.

Твой отец умер от инфаркта через год после её смерти. Твоя мать никогда не оправилась. Она прожила, но не жила».

Виктор вспомнил мать — молчаливую, замкнутую, всегда отстранённую. Она умерла, когда ему было двадцать. Тихо, во сне. Врачи сказали — сердце.

Теперь он понимал. Она умерла от горя.

«Дом забирает всех, кто связан с вашим родом», — написала Анна. — «Павел думал, что контролирует процесс, но дом обрёл собственную волю. Он питается смертями. Каждая моя смерть укрепляет его, делает сильнее».

«Как его остановить?»

«Седьмая комната. Там ты найдёшь сердце дома. Источник проклятия. Уничтожь его — и дом рухнет. А я... я, наконец, буду свободна».

«А если я уничтожу сердце, что станет с тобой?»

Долгая пауза. Потом:

«Я умру. Окончательно. Все мои воплощения, все жизни — они исчезнут. Я перестану существовать.

Но это лучше, чем вечность в клетке».

Виктор сжал телефон. Значит, выбора нет. Либо Анна будет вечно умирать и возрождаться, либо она исчезнет совсем.

Третьего не дано.

«Где седьмая комната?» — написал он.

«Наверху. Четвертый этаж. Но сначала ты должен увидеть мою последнюю смерть. Ту, что случилась три недели назад. Твоя Анна. Твоя жена.

Это самое трудное. Но ты должен пройти через это».

Виктор закрыл глаза, медленно выдохнул.

Он не хотел видеть смерть Анны снова. Не хотел возвращаться в тот день, когда нашёл её в ванной — холодную, безжизненную.

Но выбора не было.

Он вышел из шестой комнаты, оставив призрак своей сестры на заснеженной скамейке.

Поднялся на третий этаж.

Седьмая дверь была прямо перед ним.

Простая, деревянная, без всяких украшений. Табличка «7» — золотыми буквами на темном дереве.

Виктор вставил ключ.

Рука дрожала.

Он повернул замок.

Дверь открылась.

Глава 9

За седьмой дверью была его квартира.

Виктор замер на пороге, не веря глазам. Та самая квартира на улице Остоженка, где они с Анной прожили двадцать лет. Знакомая прихожая, зеркало в резной раме, вешалка с его пальто.

Но всё было неправильным. Воздух слишком густой, свет слишком тусклый. И тишина — абсолютная, мертвая.

Виктор шагнул внутрь. Прошёл по коридору, толкнул дверь в спальню.

Пусто. Кровать застелена, окна закрыты.

Он повернул к ванной. Дверь была приоткрыта. Из-за неё тянулся свет — холодный, голубоватый.

Виктор толкнул дверь.

И увидел.

Анна лежала в ванне. Точно так же, как он нашёл её три недели назад. Вода доверху, голова откинута на край, глаза закрыты. Волосы расплылись в воде, как водоросли.

Но она была жива.

Грудь вздымалась — редко, с трудом. Губы шевелились, будто она шептала что-то.

Виктор бросился к ванне, схватил её за плечи, попытался поднять.

— Анна! Анна, очнись!

Она открыла глаза. Посмотрела на него — долгим, печальным взглядом.

— Виктор... — Голос слабый, еле слышный. — Ты не должен был приходить сюда.

— Что ты делаешь?! Господи, вылезай из ванны, сейчас же!

Он пытался вытащить её, но она не сопротивлялась и не помогала. Тело было тяжёлым, безвольным.

— Не надо, — прошептала она. — Уже поздно. Я умираю. Снова.

— Нет! — Виктор тряс её, пытаясь привести в чувство. — Не смей! Не смей оставлять меня!

Анна слабо улыбнулась.

— Я пыталась убежать от дома. Пыталась прожить настоящую жизнь. С тобой. Быть счастливой.

Но дом позвал меня. Три недели назад. Я пришла сюда, в Кривоколенный переулок. Увидела его — и всё вспомнила. Все жизни. Все смерти.

Поняла, что никогда не была свободна. Что никогда не буду.

— Тогда почему ты не сказала мне?! Я бы помог! Мы бы нашли способ!

— Нет. — Она покачала головой, и вода вокруг неё заколыхалась. — Нет способа. Павел искал всю жизнь. Не нашёл.

Дом сильнее. Он всегда сильнее.

Виктор чувствовал, как слёзы текут по лицу.

— Анна, прошу тебя...

Она подняла руку — мокрую, холодную — и коснулась его щеки.

— Люблю тебя. Во всех жизнях — только тебя. Запомни это.

И теперь... теперь у тебя есть шанс. Седьмая комната. Найди сердце дома. Уничтожь его.

Освободи меня.

— Но ты умрёшь! Окончательно!

— Знаю. — Глаза её закрывались. — Но это лучше... чем эта бесконечность...

Рука соскользнула с его лица, упала в воду.

Анна вздохнула в последний раз.

И замерла.

— Нет. — Виктор тряс её. — Нет, нет, нет!

Он вытащил её из ванны, положил на пол, начал делать искусственное дыхание, массаж сердца. Давил на грудь, считал, вдыхал воздух в лёгкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.